

Сказки-притчи — Агафонов Н.В.

РАВНОДУШИЕ.

Жила-была одна семья. И жил в этой семье чайник. Пузатый такой, эмалированный. Чайник в семье занимал особое положение, так как все любили пить чай. Чайник понимал свое значение, но не важничал, и не гордился перед другой кухонной посудой. Он был радушным, добрым трудягой. Большая хрустальная салатница, которая любила красоваться на столе исключительно только по большим праздникам, всегда посмеивалась над чайником, называя его трудоголиком.

А чайник действительно был великим тружеником. Папа утром встает на работу и первым делом сразу наливает в чайник воду и ставит на газ. Дети встают в школу и тоже ставят чайник на газ. Мама, перед тем как проводить в садик младшего сынишку, тоже без чайника не обходится. Но вот все ушли: кто на работу, кто в школу, кто в детский сад, и тут чайник без дела не остается. Бабушка приберет за всеми посуду и сидит, чаи с булками гоняет. Вечером собирается вся семья за чайком — беседуют.

Все бы хорошо, да одно плохо: чайник-то всем нужен, а вот к нему должного внимания в семье нет. Нередко бывает так: поставят его на газ, а вовремя отключить забывают. Так и стоит чайник, кипит от возмущения, а крышка на нем трясется от пара в негодовании. Воды становится все меньше и меньше. Чайник переживает, что вот-вот вода закончится и тогда страшно подумать, что может случиться. Наконец кто-нибудь войдет нечаянно на кухню, или так, вдруг вспомнят о чайнике и отключат. Чайник вздохнет облегченно: «на этот раз вроде пронесло». Но один раз забыли про чайник, и на кухню никто случайно не зашел, и случилась беда. Вся вода выкипела и чайник стал коржиться от огня, но не мог никого позвать на помощь, голоса-то он не имел. Так молча и погибал. Посуда в ужасе наблюдала гибель старого трудяги, но что она могла поделать? Хрустальная салатница, хотя и относилась к чайнику свысока, но тут и она не могла остаться равнодушной. «Я готова грохнуться на пол, и разлететься на тысячи мелких хрустальных осколков, лишь бы спасти этого беднягу!» — кричала она в благородном негодовании. Когда уже гарь проникла в комнату, так что даже папа, дремавший у телевизора с газетой в руках проснулся, все кинулись на кухню, но было поздно. Семья погоревала, погоревала о такой потере, да делать нечего, снесли чайник в мусорный контейнер. А на следующий день папа торжественно принес в дом новый, блестящий, никелированный чайник со свистком. Все были просто в восторге от этого чайника. На него не могли налюбоваться. Когда чайник закипал и начинал весело посвистывать, буквально вся семья бежала чтобы отключить его. Но скоро к новому чайнику привыкли. И теперь, когда чайник призывно свистел, к нему уже не спешили. Бывало папа крикнет детям: «Вы что, не слышите, чайник свистит? Идите кто-нибудь и отключите». «Ладно, — отвечали дети, — сейчас досмотрим мультик, пусть пока немного посвистит». Бывали дни когда чайнику приходилось свистеть так долго, что он начинал беспокоиться, как бы не осип от горячего пара его голос. Хрустальная ваза недовольно ворчала: «Рассвистелся тут, голова уже от твоего свиста болит. Дедушка наш, труженик великий, тот никого не тревожил. Все трудился, трудился молча, так и сгорел на работе, бедняга». «Потому и свищу, — оправдывался чайник, — что не хочу сгореть». И продолжал отчаянно свистеть, пока кто-нибудь не приходил и не отключал его.

Опасения чайника подтвердились, вскоре он действительно лишился своего голоса, свисток вышел из строя. Этого даже никто в семье не заметил, и никелированного красавца постигла ужасная участь его собрата. Он так же молча сгорал, не уронив при этом ни одной слезинки, ибо все, что могло в нем плакать испарилось горячим паром

через его надорванное горло. А расстроенная салатница всхлипывала, причитая: «Да, что ж это творится у нас в доме. Так и знайте, если подобное произойдет в третий раз, я просто не выдержу такой трагедии». Третьего раза не случилось, потому что после гибели поющего чайника на кухню прибыл электрический иностранец. Из белого пластика, с горделиво задранным носиком, наподобие птичьего клюва, он очень важничал. И было от чего. Чайник, едва закипев, сразу же мог отключить самого себя, без всякой посторонней помощи. Хрустальная ваза в восторге шептала своей подруге фарфоровой конфетнице: «Ты посмотри только, дорогая, каков красавец. А какой умный, какой обходительный, сразу видно — заграничное воспитание».

О двух сгоревших чайниках в семье не вспоминали. Да и зачем? Ведь никому не хотелось признаться, что равнодушие и невнимание убивает.

КАКАЯ ОБУВЬ САМАЯ НУЖНАЯ?

Как-то Саша заболел и лежал целый день в постели, а мама давала ему разные таблетки, которые Саша не очень-то любил.

И вот Сашина обувь, которая стояла в прихожей, от нечего делать стала спорить: кто из них всех нужнее для Саши, и кого он больше всех любит носить.

— Нужнее всех мы, — говорили зимние меховые ботинки, — мы согреваем Сашины ноги от холода, поэтому он нас очень любит.

— Настанет скоро лето, и Саша про вас забудет, — ехидно заметили сандалии. — В жару мы просто незаменимая обувь, уж если кого Саша любит по-настоящему, так это нас.

— Да у вас совсем мозги дырявые! — возмутились резиновые сапоги. — Где это вы видели, чтобы после зимы наступало лето? Нет, мои дорогие ремешки на подошве, вслед за зимой наступит весна с её ручьями и глубокими лужами, в которых и вы, и зимние ботинки сразу захлебнётесь и утонете. Ничто так не нравится Саше, как мерить с помощью нас лужи, потому-то он нас больше всех любит.

— Все вы годитесь только для сезонных временных работ, — гордо заявили кроссовки, — мальчик же больше всего на свете любит бегать и играть. Зимой — в спортзале, а летом — на улице. И вот тут-то мы просто незаменимы.

— Ну что вы здесь расшумелись? Неужто вам, глупым, невдомёк, что если кого Саша и любит, так это только нас. Когда он приходит домой, то с нами он практически не расстаётся. Да и сами посудите, вас дальше порога не пускают, а мы в спальне, рядом с больным хозяином — вот какое к нам доверие!

— Нет никакого покоя от этой малышни, — посетовали старые заплатанные валенки Сашиного дедушки. — Разве вам не ясно, что Саша вас любит одинаково всех, и нет среди вас главных. Вы все ему нужны, правда, в разное время.

ИСТОРИЯ ОДНОГО КОЛОКОЛА

Настя и Никита вышли с родителями из храма, держа в руках красные прутики вербы.

— Они похожи на крошечных белых совят, — Никита осторожно погладил вербную почку.

— И ещё на пушистые сны, — сказала Настя. — Да нет же! Это молитвы! Это маленькие наши молитвы такие, они потом вырастут и расцветут!

— Сны и молитвы... — мама улыбнулась, глядя на пухлые почки. — Ты очень красиво сказала...

Воздух — утренний, родниковый — вдруг наполнился медным боем колоколов.

— Ого! Как они громяют! — удивился Никита.

Все посмотрели на колокольню.

— Глядите! — закричала Настя. — Там целая колокольная семья! Колокольная — их домик!

— Точно, — засмеялся папа. — Совсем как в той сказке...

— В какой?!

— А вот послушайте...

На одной очень высокой колокольне, которая вместе с храмом стояла на живописном берегу реки Волги, жила-была дружная семья колоколов. Папа — солидный сорокапудовый колокол, а звали его Бум-бум. Мама-колокол, хотя и поменьше, но тоже весила немало, целых двадцать пять пудов. Маму звали Бам-бам. Старшего сына звали Бом-бом, он весил семь с половиной пудов. Старшую дочь звали Бем-бем, она весила целых три пуда. А ее младшего брата — Бим-бим, и он весил один пуд, то есть шестнадцать килограммов. А были и совсем малыши, по несколько килограммов веса: Динь и Дилинь. Надо заметить, что для праздничного звона и эти малыши не были лишними. Да разве может кто-то в дружной семье быть лишним?!

Колокол-папа трудился больше всех. Начинал он всегда первым, и долго его могучий бас разносился над волжскими просторами: «БУМ-БУМ». Затем, как бы робко, ему начинала вторить мама-колокол: «БАМ-БАМ». Подхватывали звон старшие братья и сестры. И сразу же начинали веселый перезвон малыши, которые просто заливались неудержимым звонким и веселым смехом: «Динь-дилинь, динь-дилинь! Бум-бум, бам-бам, бом-бом, бем-бем, бим-бим и неумолкаемое динь-дилинь, динь-дилинь». Так было здорово и радостно, и вся семья была счастлива.

Бим-бим был очень мечтательным ребенком. Целыми днями с высокой колокольни он наблюдал, как по Волге шли пассажирские пароходы и буксиры, которые тянули за собой огромные баржи, груженные углем, или хлебом, или лесом. На носу пароходов и буксиров висели сверкавшие начищенной медью колокола.

— Что это за колокола? — спрашивал он у отца.

— Это корабельные рынды, сынок. Почти что наши родственники.

— Как бы я хотел быть рындой, — вздыхал грустно Бим-бим, — тогда бы я плывал по разным странам и много бы всего навидался.

— Быть церковным колоколом очень почетно, — говорила мама-колокол. — Ведь мы зовем людей на молитву, значит, мы служим Богу. А выше этого служения ничего нет на земле.

— Мне уже наскучило это служение, — бурчал Бем-бем, — каждый раз одно и то же. А там, на кораблях, люди танцуют и веселятся. Там жизнь интересней, чем здесь, на колокольне.

— Как это — одно и то же? — возмущался отец. — Звон у нас все время разный, для каждого случая особый. На большой праздник — малиновый перезвон. Великим постом — другой звон. На свадьбу — тоже особый звон. Встречаем архиерея — и тут своя премудрость. А на похороны — там заупокойный перебор идет. Звон — это наша молитва Богу. Если ее исполнять с душой и сердцем, то она никогда наскучить не может.

Но Бим-бим слушал отца в пол-уха и продолжал мечтать о том, чтобы стать корабельною рындой. Недалеко от храма был причал, и Бим-бим сумел познакомиться с одним корабельным колоколом. Рында хвастал, что спускается по Волге до самой Астрахани, и даже бывал в Каспийском море. А вверх по Волге он доходил даже до Твери.

— Что ты там видел? — с завистью спрашивал Бим-бим.

— Чего я только не видал на своем веку, — хвастливо говорил Рында, — всего и не перескажешь.

На самом же деле он был еще очень молод и служил на пароходе первый год, но воображал себя заправским «морским волком».

Как-то раз, проплывая мимо храма, Рында прокричал Бим-биму:

— Послушай, Бим, новости. В стране произошла революция. Наступила свобода. Храмы закрываются и религия отменяется.

Бим-бим очень обрадовался этому известию и даже закричал:

— Ура! Теперь я смогу стать рындой?

— Конечно, ты теперь можешь стать кем угодно. Теперь каждый честный колокол должен стать рындой.

— Сын мой, — сказал колокол-отец, — мне больно слышать от тебя такие слова. Какая свобода тебе нужна? Разве ты сейчас не свободен?

— Какая же это свобода, когда я не могу звонить в то время, когда я сам хочу и как хочу, — негодовал Бим-бим.

— Это, сын мой, не свобода, а произвол. Если все колокола будут звонить когда захотят и как захотят, такой звон будет никому не нужен. Это будет уже не молитва, а беснование безумцев.

— Не слушай отца, — кричал Рында, — он отсталый и невежественный колокол и ничего не понимает в свободе.

Вскоре на церковь повесили замок, и в колокола звонить перестали.

— Вот тебе, сынок, и свобода, — ворчал отец, — виси себе на свободе никому не нужный.

Бим-биму такая свобода тоже не понравилась, но он с затаенной надеждою ждал, что вскоре придут за ним и отнесут его на корабль.

Прошло несколько лет, и вдруг колокола услышали скрип ступенек на колокольне. Они очень обрадовались, думая, что идут звонить.

— Наконец-то вспомнили о Боге, — вздохнула облегченно мама-колокол. — Да и не могло быть по-другому, без Бога жить нельзя.

На колокольню поднялось сразу несколько человек. Колокола увидели, что это не церковные люди. Они не осеняли себя крестным знаменем. Двое из них даже курили папиросы, чего никогда бы не позволили себе верующие. Люди стали обмерять колокола. Один сказал:

— Эти самые большие колокола будем сбрасывать прямо с колокольни.

— Они так разобьются, — сказал второй человек.

— Ну и пусть себе бьются, — сказал первый, — все равно их отправлять на переплавку.

И тут колокола поняли, какая ужасная участь их ждет, и заплакали. Люди соорудили деревянный настил, спустили на него колокол-папу. Папа-колокол молча упирался, но его все равно постепенно продвигали к краю колокольни. Когда колокол-отец почувствовал, что ему больше не удержаться, он успел крикнуть:

— Прощайте, мои родные, сейчас вы в последний раз услышите мой звон...

Договорить он не успел и полетел вниз с колокольни. «БУМ» — раздалось внизу от удара огромного колокола об землю. И земля, и колокольня содрогнулись от этого могучего удара.

— Прощайте, дети, — сказала, заливаясь слезами, колокол-мать. — Вы знаете, как я вас всех любила. Может быть, эти изверги пощадят хотя бы вас, деток моих. Самой же мне хочется быть рядом с поверженным супругом. Потому смерти я не боюсь.

Через несколько мгновений внизу раздалось глухое «БАМ», и все смолкло. Дети беззвучно оплакивали своих родителей, готовясь разделить их участь. На колокольне был матрос. Он подошел к Бим-биму и слегка дернул за веревку его язык. Раздалось печальное и звучное — «БИМ».

— Звук этого колокола очень похож на рынду, — сказал матрос, — пожалуй, возьму я этот колокол на корабль, наша старая рында недавно треснула.

Он снял колокол и понес его вниз. Сбылась мечта Бим-бима, но он нисколько этому не обрадовался. Подавленный гибелью своих близких, он даже не понимал, что с ним происходит. Когда матрос спустился вниз, Бим-бим увидел на земле умирающего отца. Огромная трещина прошла через все его тело, а отвалившийся от него увесистый осколок лежал рядом.

— Куда тебя, сынок, несут? — каким-то неузнаваемым, осипшим голосом спросил отец.

— Меня несут на корабль, папа.

— Значит, так суждено Богом, сынок. Вспоминай нас с матерью и не забывай, что ты из церковной семьи. Будешь служить на корабле, служи честно, чтобы не посрамить наш благородный род церковных колоколов.

— Прости меня, отец, и ты, мама, прости. Я был не очень-то послушным сыном, и теперь я об этом горько сожалею.

— Мы тебя прощаем, сынок, — сказала мать надтреснутым голосом. — Только умоляю тебя, сохрани веру в Бога. Где бы ты ни был, всегда помни свою родную колокольню, тогда и сохранишь свою веру.

С тех пор Бим-бим плавал на корабле по Волге. Он повидал много красивых городов и сел. Но вскоре все это стало привычным, и ничто не волновало его сердце, кроме одного: каждый раз, когда он проплывал мимо своей родной колокольни, все в нем сжималось в тоске и печали. Ему казалось, что корабль слишком быстро проплывает это место. И он вновь с трепетным волнением ждал встречи со своей колокольней. Задолго до приближения к храму он узнавал родные берега, и его сердце начинало отчаянно биться. Еще один изгиб русла реки — и уже виднеются кресты и маковки куполов. Порою Бим-биму начинало казаться, что вот прямо сейчас на колокольне раздастся отцовское «бум-бум». И оно понесется сладостным, родным звуком над Волгой, и отцовскому голосу начнет вторить материнское «бам-бам». Но колокольня молчала, и это молчание низводило в душу Бим-бима такую грусть, что предложи ему кто-нибудь хоть еще один раз услышать голоса его близких, он готов был за это счастье навеки сгинуть в глубинах волжской воды.

Как-то раз, проплывая близ одного села, Бим-бим заметил пожар, и тут ему показалось, что он слышит голос старшего брата: «Бом-бом». А один раз, когда он проплывал мимо школы, то ему послышался голосок его младшей сестренки: «Дилинь, дилинь, дилинь».

Вскоре началась тяжелая война. И он вместе со своим матросом воевал на боевом корабле под Сталинградом. В самый разгар боя, когда кругом рвались снаряды и свистели пули, Бим-бим услышал, что его матрос молится Богу. Это очень обрадовало колокол. Корабль сильно качало, и Бим-бим качался вместе с ним, но с упоением продолжал слушать молитву. И тут он заметил пулю, которая летела прямо в его матроса. Бим-бим решительно качнулся в ее сторону, жалобно звякнув от удара. Матрос понял, что колокол защитил его от смерти и, перекрестившись, поцеловал своего спасителя.

Прошли годы. Война закончилась. Матрос уже был капитаном большого пассажирского теплохода, но не покинул свой колокол. Бим-бим, проплывая теперь мимо своей колокольни, с огорчением видел, что храм потихонечку разрушается: прогнили

купола, покосились кресты, провалилась кровля и осыпалась штукатурка. Вскоре капитан ушел на пенсию, а заботу о колоколе передал своему сыну — молодому капитану. Но и молодой капитан вскоре состарился. И как-то раз, подойдя к колоколу, сказал:

— Ну все, старина, теплоход наш списывают на металлолом, а меня списывают на берег. Но ты не бойся: я возьму тебя с собой.

Бим-биму было грустно оттого, что он больше никогда не увидит своей колокольни. В этом последнем рейсе он с особым волнением ждал встречи со своим храмом, чтобы попрощаться с ним навсегда. Но то, что он увидел, подплывая к своему храму, его взволновало еще сильнее. Бим-бим увидел, что храм начали ремонтировать. «Раз храм восстанавливают, значит, там будут служить. Интересно, а кто там будет звонить к службе?» Бим-бим взмолился:

— О! Если только один раз мне дали бы позвонить к Божественной службе, то я готов принять мучительную смерть в плавильной печи. Только один раз, — и Бим-бим горестно зарыдал.

Капитан тоже заметил, что храм восстанавливают. По прибытии в порт он взял колокол, погрузил его в багажник своего автомобиля и поехал к тому храму.

Когда Бим-бима несли по свежеструганным ступенькам на колокольню, он плакал, но уже от счастья. А когда его стали укреплять на звоннице, то он заметил, что тут уже висят колокола. Бим-бим пригляделся и ахнул, едва не лишившись чувств. Рядом с ним — его братья и сестры! Они радостно приветствовали Бим-бима.

— Ну что, бродяга-романтик, наскитался на воле?

— Братья, сестры! Да как же вы тут, я уже и не надеялся вас увидеть!

— Меня забрали к себе пожарники, — сказал старший брат Бом-бом, — и я все эти годы возвещал набатом о пожарах.

— Так это значит, что твой голос во время пожара мне не почудился! — воскликнул Бим-бим.

— А меня ты, братик, не мог слышать, — сказала старшая сестра Бем-бем, — я проводила время в тишине музейных залов.

— Меня ты тоже не мог слышать, — сказал младший братишка Динь, — меня спрятала на чердаке одна верующая старушка. Так я и валялся там в пыли все эти годы. Пока меня не разыскала ее внучка и не снесла сюда, в храм.

— А вот меня ты мог слышать, — похвасталась малышка Дилинь, — я работала в школе и возвещала своим звоном начало уроков и перемен.

— Да, сестренка, — воскликнул Бим-бим, — я действительно один раз, случайно, слышал тебя и был очень удивлен.

— А теперь, братец, ты расскажешь нам свою историю. Мы уверены, что у тебя есть что рассказать.

— О да, мои дорогие братишки и сестренки, моих рассказов хватит вам на долгие годы. Но я слышу, как поднимается звонарь, служба Богу прежде всего, а наговориться с вами мы еще успеем. В своих скитаниях я понял твердо одно: нет ничего лучше и краше на всей земле, чем служение Богу.

К сожалению, не было колокола-отца и колокола-матери. Но вместо отца звон начал его старший сын и над волжскими просторами понеслось: «БОМ-БОМ». И вот уже его сестра начала ему вторить: «Бем-бем». Она старалась свой звук сделать как можно насыщеннее. Поэтому у нее почти по-матерински выходило: «Бам-бам». Вскоре в общий семейный хор радостно и звонко ворвался голос Бим-бима. И на всем этом фоне голосов старших братьев и сестер, залились мелодичным перезвоном повзрослевшие малыши: «Динь-дилинь, динь-дилинь, динь-дилинь».

Думаю, не надо говорить, как самозабвенно и с упоением звонили после долгой разлуки колокола. Ведь они себя вновь ощущали дружной колокольной семьей.

Когда папа закончил рассказ, Настя и Никита обернулись в сторону церкви, чтобы ещё раз посмотреть на колокольню...

— Папа, а это правда всё было? — с недоверием спросил Никита.

— Конечно, правда! Скажи, пап? — Настя, похоже, нисколько в этом не сомневалась.

Папа погладил их по головкам.

— На свете ещё и не такое бывает... — ответил он после паузы.